

«Голоса»

(«Блокадная книга» Алеся Адамовича, Даниила Гранина)

Ведущий: У этой правды есть адреса, номера телефонов, фамилии, имена. Она живет в ленинградских квартирах, часто с множеством дверных звонков — надо только нажать нужную кнопку.

Ленинградские дома, квартиры блокадников...

Следы осколков от снаряда на потолке (старинном, лепном), осколков стекла на глянце пианино. Пятно-ожог от «буржуйки» на блестящем паркете.

«А здесь паркет испорчен — это мой муж в последнее время колол мебель. Пока он не умер на этом вот диване, вот здесь (Ден Александра Борисовна).

Бабич Майя Яновна вспоминает и показывает:

«В блокаду мы остались с мамой вдвоем. В нашей квартире собрались ее приятельницы, и сверху пришли. И в этой квартире, в одной комнате, которая была дальше всего от улицы, в глубине квартиры, все и сгрудились. Стекла были выбиты, и одно окно закрыли вот этим ковром, турецкий ковер ручной работы. Потом матрац прислонили к одному окну... Осколки снарядов залетали в окна, застревали в стенах...»

Ведущий: Тут его, ленинградца, обстреливали, обрушивали на него смерть — снаряды, бомбы. Тут его истребляли голодом. Он потерял здесь столько близких, соседей, здоровье потерял. А сейчас (здесь же!) живет, как все. Как все, только со всех сторон окружен памятью...

Неизвестное про известную фотографию

...Весенний день 1942 года. Две женщины идут по улице, с ними девочка лет пяти — она на ходу пытается поиграть, попрыгать...

В этот момент их сфотографировал военный корреспондент где-то в районе Невского.

Присмотревшись, видите: первая женщина постарше, вторая — ещё ребёнок, девочка, но и лицо и фигура у неё старушечьи. А у прыгающей девочки не ножки — спички, и только колени уродливо раздались.

- Лора Михайловна, а вы помните вот этот день? Как вы тут идете с матерью, сестрёнкой?

- Нет.

- Сколько вам тогда было лет?

- Мы с мамой, казалось, тогда одинакового были возраста. А мне не было тринадцати лет.

- Вы помните свое состояние болезни, голода? Как вы помните свои двенадцать-тринадцать лет?

- По-моему, самое страшное - это когда человек все время хочет есть, а есть ему нечего совершенно. А второе, когда ни руки, ни ноги не действуют и не знаешь, будешь ли ты жить и действовать вообще. Врач приходила каждый день и смотрела, но я понимала, что она только проверяла, жива я или не жива.

— А помочь нечем было?

— Чем врач могла помочь? Она выписала шроты, ну, жмых, выжимки, вторые были у нас в детской больнице, шротовое молоко. Но это все было, конечно, несъедобное. У нее было две таких больных, как я, то есть я и еще одна девочка.

— Это был голодный паралич?

— Паралич на почве дистрофии. Однажды она пришла и сказала, что моя «напарница» умерла. Она сказала маме, но у меня слух хороший, и я слыхала, что она сказала за дверями в коридоре. Вроде того, что и со мной должно повториться. Иногда на другой день она пришла и увидела, что я жива, она даже удивилась. А лотом я встретила эту врачиху. Это после войны, наверно, в пятьдесят третьем году было. Мы шли, у меня ребенок уже был, маленький. Она маму спрашивает: «Как вы живете? Как ваша семья, муж? Лора, конечно, умерла?» Я говорю; «Доктор! Я жива, у меня даже ребенок на руках». Она онемела, она не

знала, что сказать, То есть это вообще чудо из чудес получилось.

— И что же вас спасло?

— Очень хотелось жить. Вы даже не представляете! Я даже удивляюсь, что у ребят моего возраста была такая большая сила воли. Очень хотелось жить.

— А какой была младшая сестренка, вы помните?

— Ну как же! Я помню, у нее такое состояние было, что она сидела и стригла бумагу. У нее мозоли на руках были от этого. Это, конечно, такое психическое состояние было у ребенка. Маленькая, четыре годика. Ей есть все время хотелось, понимаете? Когда ребенок есть хочет, он просит. А она не просила, потому что понимала, что взять неоткуда. Она сидела и стригла и рвала бумажки, то есть даже могла сойти с ума.

— Стригла до мозолей?

— Да, у нее пальцы были в мозолях. Когда мама отнимала у нее ножницы, она находила новую бумажку и молча начинала ее рвать».

Испытание голодом

- «Есть приходилось что попало. Помню, приходила домой, и меня так хотелось кушать! Я жила тогда на улице Войтика. У меня там дрова ляжали около печки, полено или два. И вот я взяла это полено (сосновое, помню) и стала грызть, потому что молодые зубы хотели что-то кусать, Есть хотелось страшно! Вот грызу, грызу это полено, смола выступила, А этот запах смолы мне какое-то наслаждение доставлял, что хоть что-то я погрызу. Надо было что-то кушать, иначе неминуема смерть от голода, а это ещё хуже, чем от обстрела. От голода очень тяжёлая смерть» (Елена Михайловна Никитина, проспект Стачек, 26).

- Врач Галина Алексеевна Самоварова вспоминает:

Съели всех кошек, всех собак, какие были. Умирили сначала мужчины, потому что мужчины мускулистые и у них мало жира. У женщин, маленьких даже, жировой подкладки больше. Но и женщины тоже умирали, хотя они всё-таки были более стойкими. Люди превращались в каких-то, знаете, стариков, потому что уничтожался жировой слой и, значит, все мышцы были видны и сосуды тоже. И все такие дряблые-дряблые были. Дистрофия — это не только скелет без мышц (даже сидеть человеку больно), это и пожираемый желудком мозг. Кого настигал голод, корчились и мучились так же, как тяжелораненные....

...Это было в начале января. Приходит на квартиру ко мне мой школьный друг Толя. Это такой поэт был, витал в облаках, говорил о проблеме «быть или не быть?». В школе он был таким мальчиком с возвышенными интересами. И вот приходит — лицо серо-зеленое такое. Глаза совсем вытаращенные, и говорит: «У тебя не сохранился твой кот?» А у нас кот был. Я говорю: «Ну что ты! А что?» — «А мы хотели бы его съесть!» Мама и бабушка у него лежали. И вот он ушел. Он был такой ужасный, такой грязный, тощий. Ушел качаясь! А только тому назад было совершенно по-другому. Собирались, о высоких материях разговаривали. И вдруг — кошка! Я хотела через неделю-другую пойти к нему, на другой улице они жили). Я сразу не пошла. Самое страшное было выйти из дому, бессознательно стремились оберегать себя от таких картин. Это как-то интуитивно было. Но я пошла все-таки в этот дом. Вот иду на второй этаж — двери не закрываются, входи куда угодно, в любую комнату заходи, бери что угодно. Это был шикарный дом — добротный, красивый. Дом одного бывшего миллионера. В мирное время на лестницах были ковры. Он жил в комнате в коммунальной квартире. Я захожу к нему в комнату. Темно, так чего-то брезжит. И они все трое лежат мертвые: бабушка, мать и он. В комнате страшная грязь. Холод. «Буржуйку» топить, видно, сил не было. И все умерли. Мне было страшно. Я в другие комнаты не вошла и пошла обратно».

Блокадница Таисия Васильевна Мещанкина о хлебе говорит, будто молитву новую слагает:

«Вы меня послушайте. Вот сейчас, когда я встаю, я беру кусок хлеба и говорю: помяни, господи, всех умерших с голоду, которые не дождались досытья поестъ хлеба.

А я сказала себе: когда у меня будет хлеб оставаться, я буду самый богатейший человек.

Вот с этого я начинаю утро, только с этого. Пью чаю две чашки крепкого, и это богатство.

Когда умирал человек и ты к нему подходил, он ничего не просил – ни масла, ни апельсина, ничего не просил. Он только тебе говорил: дай крошечку хлеба! И умирал!..»

Ведущий: Массовый голод — это тихие смерти: сидел и незаметно уснул, шел — остановился, присел... Многие наблюдали, запомнили жуткую «тихость» голодных смертей.

Никитина Елена Михайловна: «Я шла с работы, и вот (угол проспекта Газа и Огородникова) женщина одна идет и говорит мне: «Девушка! Ради бога, помогите мне!» Я мимо шла, говорю: «Чем я могу вам помочь?» — «Ну, доведите меня до этого забора». Я довела ее до этого забора. Она постояла, потом опустилась и села. Я говорю: «Чем вам помочь?» Смотрю, она уже и глаза закрыла. Умерла!»

Людмила Алексеевна Мандрыкина (Невский проспект, 137):

- Вот у нас в военном архиве всегда сидела милиция. И такие замечательные парни были — милиционеры, чудесные, молодые были все. Это те, которые были призваны на войну и оставались здесь в милиции. В милиции кормили очень плохо. Вот я часто с ними разговаривала. Мы старались не говорить об еде. И вдруг ты смотришь на человека и видишь, как прямо во время разговора у него стекленеют глаза. Потом он все медленнее говорит, медленнее. Вот двое так умерло на моих глазах.

Блокадный быт

Ведущий: Фашисты пытали Ленинград, ленинградцев голодом. Матерей пытали жалостью к умирающим на глазах у них у них детям и мужьям, а солдат - жалостью к угасающим матерям, женам, детям, надеясь, что дрогнут ленинградцы, откроют ворота в город.

Гитлер так объяснил немцам и миру непредвиденную «задержку» с Ленинградом: «Ленинград мы не штурмуем сейчас сознательно. Ленинград выжрет сам себя».

Штурмы тем временем следовали один за другим. Продолжались. В том числе и самый грозный штурм — голодом.

Было много бытовых трудностей. Паровое отопление не действовало, печек во многих домах уже не было. Ведро воды, равно как и полено, становилось проблемой неразрешимой. А освещение? Коптилка - казалось бы, просто. Но чем ее заправить? Где достать керосин, лампадное масло. Ведь даже дневным светом нельзя было пользоваться, потому что в домах от обстрелов, от бомбежки повывлетали стекла, и окна были забиты фанерой, завешены одеялами, заткнуты тряпьем. матрацами. Так что в комнатах была постоянная темь.

Темнота действовала угнетающе. К этой морозной темноте трудно было привыкнуть, приспособиться.

Дубровина Клавдия Петровна: «Днём ходила на работу, ночевать приходила домой. Ночевать было, конечно, страшно, потому что всё выбито, мороз, холод страшный. Во-первых, я лишила себя дневного света окончательно: ещё пока силы были, я взяла эти два окна забила — одно одеялом, другое — старым ковром, так чтобы хотя не дуло сюда. Это лишило меня света. И я приспособилась так: я приходила в темноте и знала, что вот здесь — у меня кровать, залезала в эту нору, как я её называла, ложилась до утра и в таком холоде...

Несколько подушек на себя наваливала, платок на себя одевала старый. И когда я утром вставала, то у меня к шее, вот здесь, примерзало всё. Отрывала всё это, поднималась, одевала пальто и шла на работу....

Ирина Алексеевна Киреева: «Мне приходилось ходить за водой, так как я оказалась самая жизнеспособная и самая старшая из детей. Воду мы брали из люка. Каждое утро выходили - это тоже был подвиг. Вебра нет. Мы приспособили кувшинчик литра на три воды. Надо было достать эту воду. До Невы идти далеко. Открыт был люк. Каждый день мы находили новые и новые трупы тех, которые не доходили до воды, потом их заливало водой. Вот такая это горка была: гора и корка

Льда, а под этой коркой трупы. Это было страшно. Мы по ним ползли, брали воду и носили домой. Трупы были видны сквозь лед».

В воспоминаниях Екатерины Павловны Янишевской есть сцена, вобравшая в себя всю трагедию утеранных карточек и особую нравственность первой блокадной зимы: «Видела на проспекте Энгельса такое: везёт старик полные дровни трупов, слегка покрытых рогожей. А сзади старушонка еле идёт: «Подожди, милый, посади». Остановился: «Ну, что, старая, ты не видишь, какую кладь везу?» - «Вижу, вижу, вот мне и по пути. Вчера я потеряла карточку, всё равно помирать, так чтоб мои-то не мыкались со мной, довези меня до кладбища, посижу на пенёчке, замёрзну, а там и зароят»... Был у меня в кармане кусочек хлеба граммов сто пятьдесят, я ей отдала....».

Ведущий: Вот меню одного из цехов завода лета 1942, когда с питанием стало немного лучше:

Щи из подорожника
Пюре из крапивы и щавеля
Котлеты из свекольной ботвы
Биточки из лебеды
Шницель из капустного листа
Печень из жмыха
Торт из дуранды
Соус из рыбнокостной муки
Оладьи из казеина
Суп из дрожжей
Соевое молоко (по талонам)».

Из воспоминаний академика Д. С. Лихачёва: «Человеческий мозг умирал последним. Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы и на лице ясно проступал череп с обнажающимися, смеющимися зубами,— мозг продолжал работать. Люди писали дневники, философским сочинения, научные работы, искренно, «от души» мыслили и проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению ветра, не поддаваясь суете и тщеславию.

Художник Чупатов и его жена умерли от голода. Умирая, он рисовал, писал картины. Когда не хватало холста, он писал на фанере и на картоне. Он был художник из старинной аристократической семьи, его знали Аничковы. Аничковы передали нам его два наброска, написанные перед смертью: красноликий ангел, полный спокойного гнева на мерзость злых, и спаситель — в его облике что-то от ленинградских большелобых дистрофиков Лучшая его картина осталось у Аничковых: темный ленинградский двор колодцем, вниз уходят темные окна, ни единого огня в них нет: смерть там победила жизнь, хотя жизнь, возможно, и жива еще, но у ней нет силы зажечь копилку Над двором на фоне темного ночного неба — Покров Богородицы, Богородица наклонила голову, с ужасом смотрит вниз, как бы видя все, что

происходит в темных ленинградских квартирах, и распростерла ризы, на ризах — изображение древнерусского храма.

Ведущий. В самых трудных условиях люди не теряли своей человеческой сущности.

Заместитель председателя Ленгорисполкома Иван Андреевич Андреев: «Случаи ограблений были единичные. Я могу такой пример вам привести. На толкучку, понимаете, парень пришел. В семье осталось только два мальчика- один постарше, другой помладше. Карточки у них есть. Отец на фронте. Мать погибла от голода. И они пришли на толкучку продать бушлат. Они пришли туда. У них мужчина купил бушлат за триста граммов хлеба. Ну, вот пришли домой и хлеб съели. А на другой день проснулись — бушлат-то, значит, они проели, а продовольственные карточки где? А карточки остались в бушлате. Парень, который продавал, помнил покупателя по бородке. И этот мужчина с бородкой пришел к ним с карточками — там адрес был написан — нашел, принес и отдал.

- Насчет продажи продовольствия у меня есть такой случай. Машина с хлебом шла. В машину попал снаряд. Шофера убило. Это действительно так было. Темно. Народ собрался — хватай и беги! Но ведь этого не *сделали*, все сохранили до крошки. Вызвали милицию, все погрузили и повезли.

- У меня есть один документ. Вот он: •Устраивать новогодние ёлки в помещениях, обеспеченных бомбоубежищами». Ленглавресторан организовал обслуживание участников новогодним обедом без вырезки талонов из продовольственных карточек и елочными подарками. Вот пришли ленинградцам *мандарины* из Грузии. Тогда решили, что эти самые мандарины надо доставить в Ленинград к Новому году. И они были доставлены. Когда новогодние елки проводили, давали детям эти подарки».

Ведущий. Эти фантастические в тех условиях мандарины помнят сотни людей. Память эта теплой волной связывает тех, кто добывал, доставлял их в Ленинград, кто их получал, брал детской ручкой, прятал, прижимая под одеждой, уносил домой - маме...

Подсчитано, что за неполных шесть военных месяцев 1941 года рабочий Ленинградсдал Красной Армии и Флоту 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, 2405 полковых и 648 противотанковых пушек, около 10 тысяч миномётов, изготовил свыше 3 миллионов снарядов и мин, более 80 тысяч реактивных снарядов, авиабомб. Кроме того, на заводах было отремонтировано около 500 танков и более 300 орудий, отремонтировано 186 кораблей.

И всё это, и всё это в тех условиях, в таких условиях!

9 мая, в День Победы, петербуржцы, тысячи их, идут на Пискаревское кладбище. Семьями идут и в одиночку, старые и молодые. Земляные холмы братских могил уже свободны от снега, прошлогодняя трава распрямилась. На тёмную её, жухлую зелень люди кладут цветы, а некоторые кладут конфеты, папиросы, хлеб. Маленький кусочек хлеба.